

неважно, она ведь тоже не мать ему, а по сердцу ближе, чем родная.

На следующее утро дождалась Вера Сергеевна, когда уйдёт сын на работу и поднялась на третий этаж, к Зое.

– Зоя, ты умная, мне помощь твоя нужна.

– Говори, Верочка.

– Про сына своего я всё знаю. – Она замолчала, глядя бесцветными глазами на соседку, а как убедилась, что Зоя поняла её, продолжила: – Хочу я ему свою квартиру оставить. Помогите завещание составить.

– Верочка, ты хорошо подумала?

– Конечно. Ближе Андрейки нет у меня никого, и у него кроме меня никого. А помру я, куда он пойдёт?

– И то верно.

– Я завещание составлю, ты мне только помоги. А умру, сама отдашь.

– Хорошо, я спрошу у зятя, он всё знает.

– Спасибо, Зоюшка. Знаешь, я та-

кой счастливой с тех пор, как Андрейка родился, не была. Какой сынок у меня вырос, да? Какой у меня Андрейка замечательный.

– Хороший сынок, Вера Сергеевна, хороший... – ответила Зоя.

Не поймёшь Веру, где понимает она, что к чему, где нет, но в одном права – сейчас она счастлива.

На 76-м году жизни тихо во сне ушла Вера Сергеевна в мир иной, ушла к своим близким и родным. Ушла счастливой, с улыбкой на тонких губах, как будто просто заснула.

Через год Сергей женился и стал отцом чудесной доченьки Веры. Веры Сергеевны.

Каждый год он ходит на кладбище и ухаживает за тремя могилами. И каждый раз благодарит незнакомого ему Андрея за то, что подарил ему мать. На могиле Веры Сергеевны гравировка: «Самой лучшей Маме от твоих сыновей».

Акбаш

– ГУЛЬСУМ, смотри, кого я принёс! – Хасан-бабай, громко топая и стряхивая с валенок снег, вошёл в дом. Вместе с ним ввалился густой, как из парной, декабрьский воздух.

Гульсум-апа выглянула из кухни и в морозном тумане не сразу разглядела мужа и то, что он держал. А между тем тот, что свернулся клубочком в руках, высунул любопытную мордочку, которую прятал в локтевом сгибе стариковского бушлата, посмотрел на женщину глазами-бусинками и облизнулся.

– Абау, щенок! – всплеснула руками женщина. – Хасан, зачем он нам? Откуда взял?

Хасан-бабай оттряхнул шапку от снега и повесил на крючок. Опустил щенка на пол, снял бушлат и пристроил рядом с шапкой. Щенок потянул любопытным носом, уткнулся в стоявшие на пороге валенки, замотал хвостом.

– У Мансура осенью собака пять кутят принесла, вот забрал самого смышлёного, – объяснил он, ласково глядя на щенка, обнюхивавшего обувь на пороге.

– Так зачем сейчас забрал? Подождал бы до мая. Куда его теперь? – ворчала Гульсум-апа.

– Пока мороз на дворе, поживёт дома, потом в сенях постелю. А летом

новую конуру смастерю. Та, что от Мухтара осталась, совсем старая.

Хасан-бабай ласково посмотрел на щенка и, наклонившись, потрепал за ухом.

Щенок был ещё по-детски толстобоким, неуклюже переваливающимся на коротких лапах. Было видно, что длинная тёмная шёрстка ещё мягкая, словно детский пушок. Ушки двумя треугольниками висят по бокам широкой мордочки. Гульсум-апа вспомнила, как сосед Мансур хвалился, что собака у него благородная – немецкая овчарка, одна из лучших сторожевых пород. А потом, когда Найда уже подросла, сокрушался, что соседский беспородный пёс повадился к ней в гости ходить. Полюбились они друг другу, видимо, и у собак, как и у людей, – сердцу не прикажешь.

Плодом той собачьей любви и стали пятеро щенков, одного из них и выбрал Хасан. Окрасу и треугольными ушками, которые совсем скоро должны окрепнуть и подняться, щенок был обязан матери. А вот белым пятном на лбу – отцу неизвестной породы.

– Моя бабушка говорила, нельзя собаку в доме держать. Грех это, собака во дворе должна жить, – не унималась Гульсум-апа.

– Не на мороз же гнать! С утра минус двадцать было, околеет без мамки.

– Так вот и надо было по весне брать. Неси обратно! Весной конуру сделаешь и заберёшь.

– Ну, уж нет. Я Акбаша теперь не отдам. Дома с ним веселее, и внуки приедут, радость им будет.

Поворчала Гульсум-апа да утихла – знала, что муж не вернёт щенка. Человеком он был бесконфликтным, спокойным. Но если уж решил что-то – не отговоришь, какие бы весомые доводы собеседник ни приводил.

С Хасаном они вместе уже больше полувека, поженились, когда по двадцать обоим было. И когда она в их дом в Старом Байсарове невесткой пришла, и когда рядом с родительским свой построили, всегда у них во дворе собака была.

«Двор без собаки пустой», – говорил Хасан.

Гульсум и сейчас помнит его молодого, высокого. Со смеющимися взглядом карих глаз и чёрными, ровными, словно углём прочерченными бровями. Они тогда только поженились, и Гульсум никак не могла налюбоваться мужем.

Встанет, бывало, вечером у окна, тюль в сторону отведёт и ждёт, когда он с сенокоса вернётся. Сперва заметит едва поднимающуюся от дороги пыль – лошадь идёт. А потом уже саму повозку увидит. Сидят усталые мужчины, ноги с арбы свесили, у Хасана вожжи в руках, правит, стало быть, улыбается – молодой, усталость его не берёт. Рядом большой лохматый пёс бежит. Вот арба до дома доехала, братишка соскочил, побежал ворота открывать, а Гульсум к другому окошку перешла. Наблюдает, как муж лошадь распрягает, овса задаёт, водой поит, как вилы в сарай относит.

И когда он, закончив с делами, возвращается к крыльцу, Гульсум выходит к нему во двор. Каждое летнее утро она провожала его на работу, набирала ведро воды и ставила на скамью у забора, чтобы за день прогрелась под солнечными лучами. Хасан рубашку через голову стянет, стряхнёт с плеч налипшую траву, ладони ковшиком сложит. Она льёт в крепкие руки тёплую воду, а он с наслаждением умывается. А потом Гульсум и тело ему поможет ополоснуть, и широким полотенцем спину вытрет. Хасан шутя брызнет на неё водой, Гульсум засмеётся – словно колокольчик зазвенит.

И всё время, пока Хасан с делами управлялся, умывался да шутил с молодой женой, пёс ни на шаг от хозяина не отходил. Хоть старший мужчина в доме Ханип-абый, но Хасан для пса – хозяин. И Хасан вниманием его не обделит – потреплет напоследок по пыльной спине и, приобняв жену, зайдёт в дом, где женщины уже накрыли стол и разливают по глубокому пиалам золотистую шулпу с тонко нарезанной лапшой. Гульсум и сейчас, спустя целую жизнь, помнит,

как пахли тогда руки мужа – душистым, манящим ароматом луговых трав и еле слышным, терпким собачьим духом.

Сама Гульсум к собакам относилась спокойно, если не сказать – равнодушно, ей и домашних дел хватало. Ну, живёт во дворе, лает, цепью гремит, с работы Хасана ждёт, ей это не мешает. У неё куры, гуси, корова, огород – в деревне всегда забот хватает. А Хасан везде, куда можно было, собаку с собой брал – в лес за вениками, на рыбалку, на сенокос... Всегда любил собак, и сейчас, когда жизнь пригнула к земле и от того молодого джигита остались только смеющиеся глаза, всё равно любит.

Осенью умер у них совсем старый Мухтар. Муж горевал, да и она всплакнула – как ни крути, а свой, родной, живая душа. Сколько лет у них прожил! Хлопот не доставлял. Думала, раньше весны щенка не заведут, а вот и трёх месяцев не прошло, а он принёс нового друга-товарища – Акбаша.

«Не утерпел до мая», – бурчала Гульсум-апа. Не нравилось ей, что собака в доме живёт – по полу ходит и когтями цокает, повсюду шерсть. А иной раз и тапочки раздерёт, пока её дома нет – щенок же, играть ему хочется. Ворчит женщина, ждёт, когда теплее на улице станет, и хотя бы в сенях определит Хасан своего кутёнка.

В том году весна выдалась ранней. Как и обещал, Хасан-бабай постелил Акбашу в сенях. Хоть и не хотел, но жена настояла – щенок из комочка с круглыми боками, что вперевалку бегал на коротких лапках, вырос до большого щенка в полметра ростом. Лапы окрепли, и весь он вытянулся. Силы в нём, как у джигита молодого, немерено.

– Потерпи, дорогой, скоро совсем тепло будет, я тебе большую и удобную конуру поставлю. А пока тут спи, – застилая ящик сеном и укладывая поверх старые куртки, приговаривал Хасан-бабай. – Вон какой ты большой стал, как телёнок, скоро выше меня вырастешь.

Акбаш крутился рядом, вилял хвостом, тыкал холодный нос в любимые ладони, звал играть. Старик уложил пса,

побеседовал с ним напоследок и вошёл в дом. Душа не на месте, но права Гульсум – повзрослел Акбаш, привыкнет в доме жить, не отвадить потом. А псом он должен вырасти крупным.

«Место собаки у ворот, на страже хозяйства», – считал Хасан-бабай.

Две ночи скулил Акбаш за дверью, когтями скрёбся, крепким боком о дверь стучал. Но не пустил хозяин. Выйдет в сени, обратно к ящику ответит, как ребёнок в постель уложит, поговорит с ним, по крепкой спине похлопает, за ушами почешет, но в дом не пускает. На третью ночь угомонился щенок, успокоилась и душа у старика.

Так и зажили. Акбаш в дом больше не просится, но услышит кто-то выходит, вскакивает и машет хвостом, как маятником. Если это хозяин, то прыгает от радости, ждёт, когда старик его на прогулку выведет. А если хозяйка, то пока ладони не обнюхает, то из сеней не выпустит – как ребёнок гостинца ждёт.

Хасан с Гульсум всю жизнь прожили в Старом Байсарове. Как только в армии отслужил, он сразу в колхоз трактористом работать устроился. На хорошем счету у начальства был. Однажды из Актаныша делегация с проверкой приехала. А через неделю Хасана в контору вызвали. Пришёл, глядит, а там один из этих проверяющих сидит. Вначале ёкнуло что-то в груди, мол, неужели нашли недочёты в его работе. А оказалось, что его, Хасана, зовут в Актаныш главным по тракторному парку.

Хасан долго не думал – отказался. «Хоть и рядом, – говорит, – всего тридцать километров пути, но всё же родная деревня сердцу милее». Здесь и родные, бескрайние луга с разноцветьем душицы и зверобоя. И капризная река Сюнь, на которой прошло детство. А если пройти по навесному мосту через реку, пересечь деревню Чишмабаш и подняться на гору, то очутишься в дивном, просто сказочном лесу. Лес подарит тишину, когда на душе неспокойно, и разделит с тобой радость, когда её столько, что внутри не умещается. Здесь, в Старом Байсарове, и дом свой,

который начали строить совсем молодыми, только вступившими в семейную жизнь.

«Нет, – решил молодой мужчина, – никуда отсюда не уеду». Гульсум мужа поддержала, и молодая семья осталась в родной деревне.

Так всю жизнь здесь и прожили, о чём никогда не жалели. Хасан продолжил работу в колхозе трактористом-механиком. Технику он очень уважал и лучше него никто за ней во всём хозяйстве не следил. Больше десяти лет уже на пенсии, а всё равно каждый год его приглашают трактора к посевной готовить и молодёжь обучить, а то рулить научились, а вот должным образом за техникой ухаживать нет. «Комбайн, как женщина, любви и ухода требует», – наставлял Хасан Ханипович, подкручивая и смазывая маслом болты, оттирая ржавчину.

И в это весеннее утро позавтракал Хасан-бабай, попил чаю с молоком и пошёл колхозный автопарк в порядок приводить. Гульсум-апа на обед любимую мужнину лапшу приготовить решила, потому на плиту суп варить поставила. Поверх халата старый камзол надела, обулась и пошла в сарай – кур, гусей кормить, корове сена задать. Вышла в сени, Акбаш радостно запрыгал, трётся о её ноги – с ней выйти хочет, а она его обратно в сени заводит:

– Сиди, неугомонный, сиди тут. Всех кур распугаешь. Вернись, косточку вынесу, погрызёшь.

Хозяйка вышла на крыльцо, поставила миску с зерном на деревянные перила и плотно закрыла дверь, повернув вертушку, – силы у Акбаша немерено, глядишь, вырвется во двор. Кому же хочется сидеть в сенях, когда на улице солнечный март?

Она взяла миску и аккуратно спустилась по ступеням. Не спеша – скользко – направилась к сараю. На минутку остановилась и, сощуриив глаза на весеннее солнце, посмотрела на дом. На крыше с теневой стороны, туда, куда солнце добирается только после обеда, ещё лежит снег.

«Надо сказать Хасану, чтобы скинул снег с крыши, пока внуки не приехали», – подумала бабушка и сделала шаг к сараю, где уже вовсю кудахтали куры.

Шум съезжавшего по кровле снега, мощный удар, сбивший с ног, и накрывшая её тьма, – последнее, что помнила.

Сколько пробыла без сознания, не знает, но, по-видимому, всего несколько минут. Сверху, сбоку снег давит, ни пальцем пошевелить, ни головы повернуть – с головой накрывало. Чувствует, что воздуха не хватает. Падая, миска с зерном опрокинулась и приземлилась между её лицом и снегом, образовав небольшое пространство. Только там воздух и остался, но насколько его хватит?

Сквозь толщу снега слышит Гульсум-апа, как заливается в сенях Акбаш. Его лай еле доносится до женщины, оттого только горше становится. Горячие слёзы потекли по морщинистой щеке – внуков напоследок не обняла, сын обещал заехать на выходных, она любимую губадию собиралась испечь. Хасан с колхоза придёт, найдёт ли её сразу? Когда совсем состарится, кто из детей его к себе заберёт? А он ведь заупрямится, не захочет оставлять дом, который своими руками построил. Говорят, в последние минуты жизни человек вспоминает о самом важном. В голове бабушки, словно кадры на старой плёнке, мелькали родные лица – Хасан, дети, внуки. И Акбаш в сенях заливается, чует бедняга, что одни они с Хасаном останутся... Береги уж его, Акбаш...

Затихло всё, даже собаку не слышно. «Значит, уже скоро с Аллахом встречусь. И-и-и, Алла!..», – плачет Гульсум-апа. Тяжёлый мартовский снег давит на лопатки, шерстяные носки промокли, стало холодно. Хоть и тесно, а тело в ознобе трясётся. Эх, надо было валенки надеть...

Вдруг показалось, будто кто-то скребёт сбоку снег. «Наверное, от нехватки кислорода мерещится», – шмыгнула она носом, не имея возможности утереть слёзы. А может, это остатки обледеневшего снега с крыши ползут, царапая

железо и падая на сугроб. Здесь, в снежном плену, всё иначе воспринимается – и звуки, и воспоминания...

Тут снег прямо возле лица провалился, Гульсум-апа даже вздрогнула от неожиданности и упёрлась затылком в сугроб. Глаза распахнула, моргает, пытается с ресниц слёзы со снегом смахнуть. Как в тумане, видит когтистая лапа разгребает снег. Заплакала пуще прежнего – Акбаш освобождает её из снежного плена. Гульсум-апа жадно вдохнула прорвавшийся к ней свежий воздух и зашептала:

– И-и, Акбаш! Как же ты умудрился из сеней выбраться? Я же дверь на вертушку закрыла! И ты ли это, Акбаш, или мерещится мне?

А пёс знай копает, сам подвывает, на своём собачьем что-то говорит. Лишь на секунду остановился, чтобы лизнуть мокрое лицо хозяйки, и вновь принялся за дело. Будто бы учил его кто-то: сначала лицо откопал, чтобы дышать смогла, потом где-то сбоку рыть начал – вот уже и рукой пошевелить получается.

У старухи сердце бьётся так, что она диву даёт, как от такого стука сугроб не развалится в стороны. Сама себя тихонько из-под снега вытягивать начала: двигается по миллиметру вперёд, а Акбаш ни на секунду не останавливается, ногу ей потихоньку освободил. Она ползком-ползком к нему движется, откуда только силы взялись?

Так и откопал Акбаш хозяйку. Вылезла она из-под сугроба, обернулась, видит, её платок ярким цветом под снегом виднеется, на одной ноге только шерстяной носок – галоша куда-то отлетела. Встала на четвереньки и поползла к крыльцу. Акбаш рядом прыгает, поскуливает от радости, лицо ей лижет. Кое-как на ступеньки забралась, села, обняла собаку и тут уж разревелась в голос, как дитя.

Хасан-бабай дома инструменты нужные забыл, без них дело встало. До обеда ещё далеко не просиживать же штаны просто так – пошёл обратно. Торопится, надо быстрее к трактору вернуться. Зашёл в ворота и обомлел.

Жена на крыльце сидит, Акбаша за шею обняла, щекой к его шее прижалась и как малое дитя плачет. Сама без платка, седые волосы растрепались, на одной ноге галоша, вторая лишь в шерстяном носке с заштопанной пяткой. А из-за угла дома высокая снежная горка виднеется, и недалеко вторая галоша красным нутром приветствует.

Акбаш с места не сходит, не встречает хозяина – видно, понимает, где он теперь нужнее. Смотрит умными карими глазами на хозяина, мол, не обессудь. Язык высунул и дышит тяжело.

Хасан-бабай сел рядом с ними, жену за трясущиеся плечи приобнял, и сам не смог сдержать слезу. Если б не Акбаш, то в эту минуту он уже вдовцом бы был. До конца жизни не простил б себе, что вовремя снег не скинул.

Посидели так старики, чуть успокоились. Хасан-бабай поднялся.

– Айда, джаным, в дом. – Мягко жену за руку потянул. – Пойдём, Гульсум, чай горячий попей, потом под одеяло – согреться тебе надо.

Гульсум-апа, ухватившись за мужнину руку покрепче, поднялась. Привычным движением голову погладила, словно платок поправила. С ноги вторую галошу скинула. Открыли дверь – дермати́н на ней весь изодран, рваными полосами висит. Видать, Акбаш прыгал-прыгал да сдвинул вертушку, так и дверь открылась.

Акбаш за ними следом в сени зашёл, к лежанке направился.

– Акбаш, айда в дом, пошли, – зовёт Гульсум-апа. – У меня и угощение для тебя есть...

